INSPIRIA

Алекса Донн

Клуб Плюща

Кто готов убить
за возможность поступить
в университет своей мечты?

INSPIRIA

Tok. Список на выбывание

Алекса Донн

Клуб Плюща

«Эксмо»
2021

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Донн А.

Клуб Плюща / А. Донн — «Эксмо», 2021 — (Tok. Список на выбывание)

ISBN 978-5-04-256766-7

Увлекательный молодежный детектив об ученицах элитной академии, готовых на все ради университета мечты. Для фанатов «Хороших девочек не убивают» и «Один из нас лжет». Гибель одноклассницы толкает Оливию на собственное расследование — и вскоре она понимает, что безупречные результаты и репутация учеников Клафлина держатся на лжи, компромате и чужих секретах. А круг подозреваемых сужается до самых близких подруг. В элитной академии Клафлин у всех одна цель: попасть в Лигу Плюща любой ценой. И наша пятерка ведет эту игру без правил. Мы называем себя «Клубом Плюща». Каждая выбрала конкретный университет мечты, и мы готовы на все, чтобы устранить конкурентов: сорвать соперникам олимпиаду, слить чужие секреты или испортить репутацию. Я пробилась в этот закрытый круг ради одной цели — Гарвард. Для простой стипендиатки без связей и миллионов это единственный шанс выбиться в люди. План казался идеальным, пока одна из нас не нарушила уговор и не подала заявку на чужое место. На следующее утро после публикации результатов я нашла ее бездыханное тело в бассейне. В Клафлине у каждого безупречный средний балл и алиби, шитое белыми нитками. Полиция уверена, что это несчастный случай, но я знаю правду: среди моих улыбчивых подруг прячется хладнокровная убийца. И если я не выясню, кто из нас зашел слишком далеко, следующее имя, которое вычеркнут из списка, будет моим. «Взрывная смесь "Дрянных девчонок" и "Смертельного влечения" в детективе о беспощадной борьбе за место в Лиге плюща». — Kirkus Reviews «Захватывающая, дерзкая история… убийство в частной школе еще никогда не были такими увлекательными». — Кара Томас, автор триллера «В тот уикенд»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-256766-7

© Донн А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

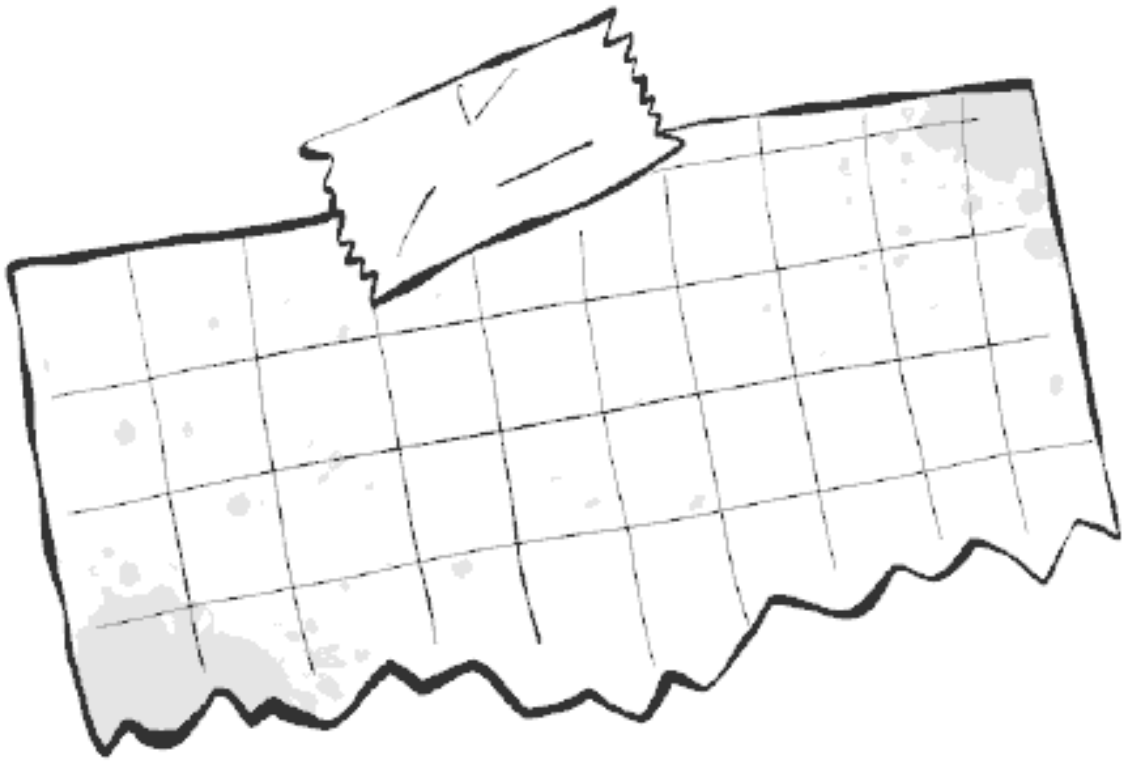
Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 16
Глава 3 25
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Алекса Донн
Клуб Плюща

The Ivies
Alexa Donne
Copyright © 2021 by Alexa Donne. All rights reserved
© Е. А. Минеева, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. «Издательство „Эксмо“», 2027

Моей маме.
Я люблю тебя больше всех.
И всегда буду.

Пролог



Все знают университеты Лиги Плюща: Брауновский, Колумбийский, Корнелльский, Дартмутский, Гарвардский, Пенсильванский, Принстонский и Йельский. Эти восемь учебных заведений считаются самыми элитными в Соединенных Штатах, а некоторые из них – и во всем мире. Свое название Лига Плюща получила лет восемьдесят назад, когда какой-то журналист использовал это выражение для спортивной конференции. Вот так вот. Все началось с футбола. История Лиги Плюща гораздо сложнее и многограннее, но сейчас не об этом. Гораздо важнее то, что в академии Клафлин существовал свой Клуб Плюща.

Пять девушек объединила одна общая цель: попасть в Лигу Плюща любой ценой. Эйвери Монфорт – мозг всей операции, мафиозная донна, солнце, вокруг которого вращается целая клика.

Она нашла нас, решила, что мы достойны ее общества, и закрепила за каждой университет Лиги Плюща, за место в котором мы должны были бороться. Эйвери – Гарвард, я – Пенн, Эмма Руссо – Браун, Сьерра Уотсон – Йель, а Марго Ким – Принстон. Да, нас всего пятеро, а университетов Лиги Плюща восемь, но вы когда-нибудь пробовали дружить компанией из восьми человек? Это же нереально. Впятером-то уже непросто. К тому же Эйвери недолюбливает Дартмут.

Наши одноклассники не знают, как расчетливо мы выбирали цели и убирали соперников с дороги, хотя слухи, конечно, ходят. В школе нас знают как Клуб Плюща. На нас оглядываются в столовой и в коридорах, шепчутся, строят догадки. Но каждая операция Клуба Плюща продумана так, чтобы в случае чего мы могли все отрицать. На безжалостность подростков здесь просто закрывают глаза: в конце концов, элитные школы вроде Клафлина держатся на жесткой конкуренции, где каждый сам за себя. Такие ученики были здесь и раньше – просто тогда никто не превращал это в систему.

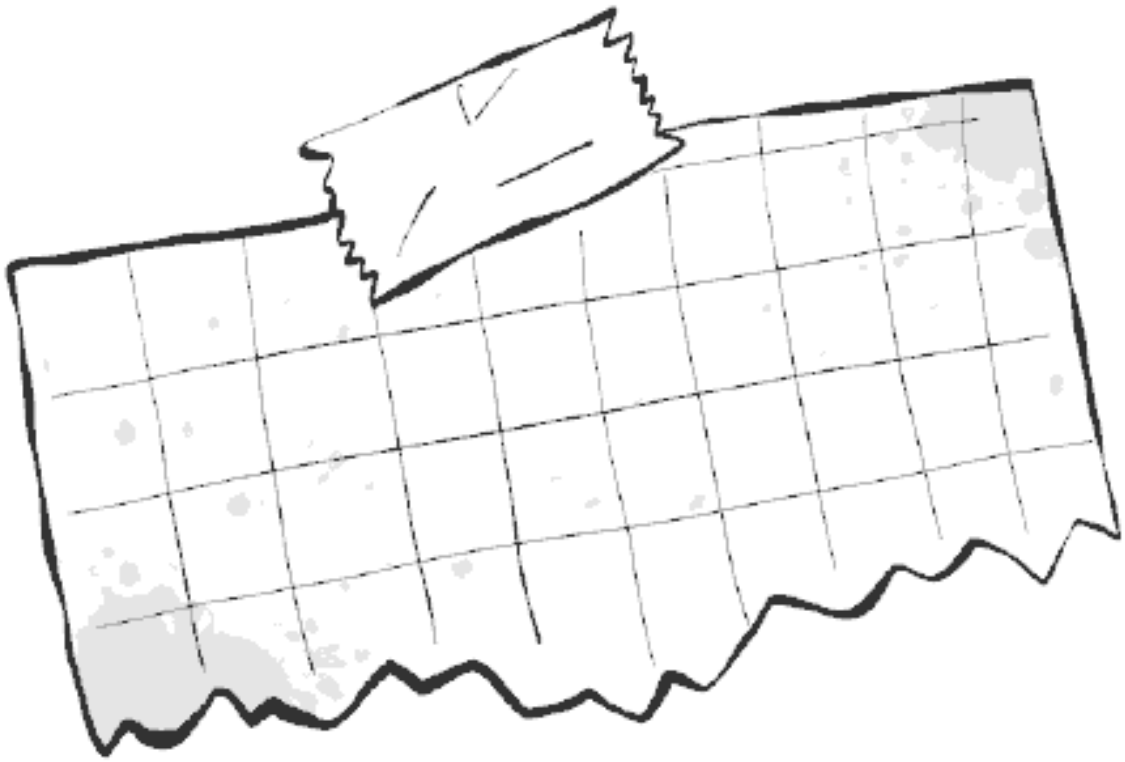
Эйвери придумывает правила и контролирует Список. В него мы заносим главных конкурентов, то есть одноклассников, чьи успехи нужно подорвать, чтобы повысить наши собственные шансы на заветные места в каждом университете. На один вуз мы выбираем по две цели, иногда по три, но не больше.

Мы портим конкурентам позиции в рейтингах успеваемости, мешаем занять руководящие места в академических клубах и получить летние стажировки, а также победить в конкурсах и пройти музыкальные прослушивания. Так наши собственные шансы на поступление повышаются, а чужие – немного снижаются.

Потому что поступление в элитные университеты в условиях жесткой конкуренции – это чертовски серьезное дело.

Я усвоила это на собственном горьком опыте.

Глава 1



Сегодня половина выпускников академии Клафлин умрет.

Ну не буквально, конечно.

Сотня учеников будет одержимо обновлять почту и страницы личных кабинетов, чтобы танцующий бульдог, тигр или какой-нибудь другой маскот, воплощающий все их надежды и мечты о будущем, сообщил:

Новое сообщение

Добро пожаловать в Гарвард,

выпуск 2025 года!

Или:

Новое сообщение

С сожалением сообщаем вам,

что мы вынуждены разрушить

все ваши надежды и мечты…

Во всяком случае, именно так мы это и воспринимаем. Сегодня день результатов ранней подачи документов[1], и сердца многих будут разбиты.

А потом полетят головы.

Поступление в университет – это всегда пьянящая смесь тоски, отчаяния и ярости. А ученики Клафлина до ярости доходят быстро. *«Как они посмели меня отвергнуть?! Да они вообще знают, кто я такой?!»*

А кто я? Я никто. Моя мать не сенатор, отец не высокооплачиваемый корпоративный юрист. Никто в моей семье не получал ни Пулитцеровскую премию, ни «Оскар». И я точно не гениальный математик и не музыкальный вундеркинд. Кстати, «вундеркинд» – отличное словечко для SAT[2], правда?

Мне пришлось сдавать SAT трижды, но в конце концов я выбила свои тысячу четыреста баллов. О результате я, конечно, соврала: притворилась, будто с первой попытки спокойно набрала тысячу пятьсот двадцать, а два следующих раза пересдавала только ради идеального балла. В Клубе Плюща считают, что я получила тысячу пятьсот пятьдесят и на этом остановилась – для Пенсильванского более чем достаточно. Настоящий результат – мой тайный позор.

Но я хотя бы не единственная в Клафлине, кто врет в заявке. Баллы за тесты не подделаешь: университеты получают их напрямую от организаций, которые проводят экзамены. А вот остальные сведения – совсем другое дело.

Ученики приписывают себе то, что университеты обычно не проверяют: клубы, которые они якобы основали и возглавили, награды, почетные звания и прочие достижения. В прошлом году выпускница Клафлина Челси Каннингем скопировала слово в слово резюме другой девушки. И ей это сошло с рук, потому что ту абитуриентку зачислили в Дартмут по программе ранней подачи. Так что, когда заявка Челси попала в Принстон, у приемной комиссии не оказалось двух анкет от двух разных девушек, каждая из которых утверждала, что она президент клуба по имитации работы ООН, летняя стажерка газеты Boston Globe и лауреат премии Scholastic Gold Key за написание романа. Но все же, если действовать так небрежно, у университета может появиться повод позвонить школьным консультантам. Так и попадаются.

Ну или когда совершают федеральное преступление.

---

[1] День результатов ранней подачи документов (*от англ.* early decision day) – день, когда абитуриенты получают решения университетов по заявкам, поданным раньше основного срока, обычно осенью, а не зимой, как при обычной подаче (*от англ.* regular decision). В американской системе поступления существует несколько ранних программ: одни, например *early decision,* обычно обязывают абитуриента поступить в выбранный университет в случае зачисления; другие, например *early action,* позволяют получить ответ раньше, но не требуют сразу принимать окончательное решение. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

[2] SAT – стандартизированный экзамен, результаты которого учитываются при поступлении во многие университеты США. Максимальный балл – 1600.

Несколько лет назад знаменитостей и гендиректоров компаний уличили в огромном скандале с поступлением в университеты, было забавно. В Клафлине же все в основном испытывали сдержанное облегчение: никого из родителей учеников академии не привлекли к делу[3]. Местные давно научились жульничать куда изощреннее – и вполне законно. По сути, деньги и есть главный чит-код: богатые дети получают в процессе поступления кучу преимуществ, и никаких законов нарушать не приходится. В общем, Челси поступила в Принстон с фальшивыми достижениями, а планета продолжила вращаться. Ей повезло, что она была не из нашего выпуска. Клуб Плюща сдал бы ее с потрохами и заодно добился бы ее исключения. Карма – стерва.

Наверное, я тоже стерва. Неприятный побочный эффект участия в Клубе Плюща.

Зато Клуб Плюща добивается результатов. Я смотрю на Марго, которая сидит по другую сторону стола и украдкой листает на телефоне страницу клубов и организаций Принстона. Ее приняли три дня назад по программе ранней подачи, но без обязательства поступать[4]. Элитные университеты начинают рассылать результаты приема документов со второй недели декабря. Это как в блэкджеке: в какой день придет решение от университета твоей мечты? Хотя подавляющее большинство ответов приходит пятнадцатого декабря, так что в Клафлине этот день называют днем РРП – результатов ранней подачи документов.

– Или днем РПП, – шутит Эйвери почти каждый раз, когда кто-нибудь произносит «РРП». – Все равно сегодня никто не ест.

Аббревиатура РРП то и дело срывается у нас с губ, пока мы отсчитываем секунды и минуты до пяти вечера по восточному времени – именно тогда большинство университетов разошлет решения. А вечером мы оторвемся на печально известной клафлинской вечеринке в честь результатов ранней подачи. Приняли тебя или отказали – каждый выпускник напьется в хлам.

– День РРП оказался намного хуже, чем я думала. – Эмма Руссо, она же та, кто поступает в Браун, запихивает айфон в сумку, чтобы больше на него не смотреть. Даю ей минуту, прежде чем она достанет его снова.

Как по команде, Эйвери выдает свою безвкусную шутку про РПП. Обычно я пропускаю ее колкости мимо ушей, потому что ставить ее на место – себе дороже. Она всегда выворачивает все против меня, как медуза: наступишь – ужалит. Но сегодня меня почти трясет от нервов, поэтому отвлечься было бы не лишним.

– Ненавижу эту чертову шутку, – резко бросаю я, вонзая вилку в кусок жареной курицы, а потом нарочито медленно жую и проглатываю.

Я жду, что в глазах Эйвери мелькнет холод и она отпустит какую-нибудь завуалированную угрозу, но вместо этого девушка запрокидывает голову и смеется, а ее светлые локоны идеальной дугой ниспадают через плечо.

– Пожалуй, эта шутка и правда уже немного надоела, – уступает она.

– И это все, что нужно, чтобы ты перестала вести себя как стерва? Вау, Оливия, похоже, у тебя есть суперспособность, – голос у Эммы сладкий, как сахарная вата, но слова звучат так, будто она швырнула на стол что-то тяжелое, хотя напряжение между ними не то чтобы редкость.

---

[3] Скорее всего, имеется в виду скандал Operation Varsity Blues 2019 года: богатые родители, в том числе знаменитости и гендиректора крупных компаний, платили за фальсификацию результатов вступительных экзаменов и спортивных достижений детей, чтобы те поступили в престижные университеты США.

[4] Программа ранней подачи без обязательства *(от англ.* early action) – формат ранней подачи документов в американские университеты, при котором абитуриент получает ответ раньше основного потока, но, в отличие от early decision, обычно не обязан поступать именно в этот университет в случае зачисления.

Обычно Эмма – единственная из нас, у кого хватает смелости дать отпор Эйвери. Они знают друг друга с первого класса: познакомились в пафосной частной начальной школе в Уэллсли. И с тех пор борются друг с другом за звание пчелиной матки.

Марго Ким и Сьерра Уотсон – поступающие в Принстон и Йель соответственно – смотрят куда угодно, только не на Эмму и Эйвери, отказываясь вмешиваться в этот конфликт. Я на секунду встречаюсь взглядом со Сьеррой и понимаю: мы думаем об одном и том же. Дело наверняка в Тайлере, парне Эммы и сводном брате Эйвери, которым он стал год назад. Для Клуба Плюща Тайлер был под запретом: «Не гадь там, где ешь», – сказала Эйвз, грубее, чем можно было ожидать от девушки с безупречной внешностью, подчеркивающей ее происхождение из старой богатой американской семьи. Но Эмма все равно начала встречаться с Тайлером, и теперь Эйвери при каждом удобном случае вонзает нож ей под ребра и просто… проворачивает его. Если Эйвери Монфорт знает твое слабое место – в этом нет ничего хорошего.

Конфликт сходит на нет: мы снова утыкаемся в телефоны. Наступает что-то вроде дружеского молчания, хотя все мы понимаем, что это скорее временное перемирие. Я оглядываю столовую и смотрю на учеников, которым выпало есть во второй обеденный перерыв.

Сьерра должна была сделать так, чтобы у всех участниц Клуба Плюща расписание совпало и мы обедали в одно и то же время. Это ее фишка.

В школе для элиты Эйвери умеет притягивать к себе лучших из лучших. Сьерра – президент женского клафлинского клуба по программированию – еще в свой первый год в школе, уже до начала весеннего семестра, разобралась, как взломать административную систему, и это ее самый ценный вклад в Клуб Плюща. Марго – главная актриса школы, ей, несомненно, суждено покорить Бродвей. Она умеет очаровывать (то есть обманывать) и учителей, и учеников. Эмма – светская львица эпохи Возрождения, своя в любой компании. Капитан команды по робототехнике, первая флейта в оркестре, чемпионка по баттерфляю в команде по плаванию и технический директор театрального кружка – в общем, Эмма успевает везде и всюду.

Я не сильна в технологиях и особыми коммуникативными навыками не обладаю, зато как одна из немногих стипендиаток Клафлина помогаю Эйвери выглядеть лучше со стороны. Какая же она открытая и великодушная, раз дружит со мной. Хотя вообще-то я главный редактор «Клафлинского вестника». Ладно, соредактор. А еще я отрабатываю часть стипендии в школьной администрации, и именно мой доступ помог Сьерре взломать систему расписаний. Так что я не менее полезна, чем остальные.

Я встречаюсь взглядом с Итаном Кендаллом, он сидит через несколько столов от нас и машет мне рукой, хотя уже на следующем уроке мы все равно увидимся. Он что, до сих пор не понял, что вне занятий по журналистике я его не замечаю? Не могу, потому что это будет означать…

– Оливия Кэролайн Уинтерс! – возмущается Эмма, прямо как мама. Хотя, учитывая, что она моя соседка по комнате и более аккуратная из нас двоих, такое случается не впервые. – Ты что, флиртуешь с канадским Кеном?

Вот поэтому я не могла помахать Итану в ответ, даже если бы хотела. И та едва заметная улыбка, которую я все-таки себе позволила, была ошибкой. Я сама дала повод сделать меня следующей мишенью, и Эмма просто воспользовалась случаем. Не то чтобы я ее виню. Любая из нас поступила бы так же. В Клубе Плюща все умеют быть мерзкими. Они мои лучшие подруги, но иногда я их ненавижу.

– Я не флиртовала, – бурчу я. – Не будь засранкой.

Я шутливо толкаю Эмму локтем. Ее это ничуть не смущает: она только пожимает плечами и снова проверяет телефон, чем запускает цепную реакцию. Мы тоже проверяем телефоны, хотя сейчас всего без четверти час и все прекрасно знают, что заветный момент еще впереди. Тревога заразительна.

Я снова украдкой смотрю на Итана. Темные непослушные волосы у него на пару сантиметров длиннее, чем принято считать модным. На смуглых щеках россыпь веснушек, лицо обрамляют крупные очки в пластиковой оправе. Таких, как он, мамочки, живущие в пригородах, из вежливости называют «крупненький». Полная противоположность кукольному Кену. Эмма правда засранка. Но я ничего не могу поделать: стоит мне посмотреть на Итана, и все тело заливает жаром. Он идеальный.

А еще он ходячий канадский стереотип, то есть слишком хорош для такой, как я. Я его не заслуживаю.

– Эй, детка, подвинься.

Появляется Тайлер, и Эмма делает, как он просит: сдвигается на стуле так, что половина ее задницы свисает с края, лишь бы он мог сесть рядом. Вот такой парень, по меркам Клуба Плюща, уже считался подходящим объектом симпатии: высокий, с орлиным носом, точеными скулами и улыбкой с ямочками на щеках, которой он мог – и умел – вскружить голову кому угодно. Тайлер выглядел так, будто должен сниматься в молодежном сериале. Если бы в следующем году он не собирался учиться на инженерном факультете в Корнелле, уверена, мы бы увидели его в телевизоре.

На стол перед Тайлером – а заодно и передо мной, потому что я сижу рядом с Эммой, – с грохотом опускается тарелка с самым огромным куском торта, который я когда-либо видела. В плотных коржах виднеются тонкие оранжевые полоски моркови, а сверху громоздится крем из сливочного сыра – толщиной, наверное, больше сантиметра со всех сторон. У меня уже слюнки текут, но тренер меня убьет, если я позволю себе такое. Хотя, по-моему, крем из сливочного сыра содержит белок, а это ведь главное, да?

– Выглядит как половина торта, – говорит Сьерра, облизываясь. Ей тоже нельзя. Мы вместе в команде по гребле.

– Сьюзан дала мне кусок побольше. В честь поступления. – Он ухмыляется.

Большинство зон в столовой работает по принципу самообслуживания, за исключением той, что с десертами. Когда-то и они были в свободном доступе, но в прошлом году один парень вынес целый пирог. После этого у десертной стойки поставили сотрудников.

Эйвери сверлит взглядом своего новоиспеченного сводного брата, и ее ноздри раздуваются.

– В Корнелле знают, что приняли законченного придурка? Что-то Марго не тычет всем в лицо своим поступлением.

Марго едва не роняет телефон. Я точно знаю, что она чуть было не надела сегодня толстовку с символикой Принстона, но Сьерра ее отговорила.

– Не надо меня ненавидеть только потому, что до апреля я могу не переживать. – Тайлер одаривает Эйвери самодовольной ухмылкой, насаживает на вилку огромный кусок торта и отправляет его в рот. – А тебе лучше расслабиться, сестренка. Через несколько часов твои страдания закончатся. Мамочкино наследие обеспечит тебе Гарвард.

– Так же, как папочкины деньги обеспечили тебе Корнелл? – с притворной улыбкой отвечает Эйвери.

Я вижу, как у Тайлера напрягается челюсть, а взгляд внезапно становится жестким. Никогда не перестану удивляться, как богатые дети обижаются, когда их называют богатыми. Такие чувствительные.

– Что будет, если вы не поступите? – Он указывает пальцем на всех нас, все еще находящихся в подвешенном состоянии, – то есть, по сути, на всех, кроме Марго. – Придется менять вам прозвища? Браун. – Он слегка толкает Эмму. – Йель. – Кивает на Сьерру. – Пенн. – Пододвигает ко мне свой кусок торта. – И блистательный Гарвард. – Он ухмыляется, глядя на Эйвери, сидящую напротив. – Напомните, какие у вас запасные варианты?

– Пошел ты, Тай, – выплевывает Эйвз.

– Прозвища дурацкие, – говорит Марго. – Может, я вообще не пойду в Принстон.

– Что? – в ужасе произносит Эйвери. – Конечно, ты пойдешь в Принстон! Тебя приняли!

– Я не обязана. – Марго ерзает на месте, пристально глядя в стол. – Может, подам документы еще в несколько мест по программе обычного приема[5]. Посмотрю, куда поступлю.

Я пытаюсь представить, каково это – относиться так спокойно к поступлению в университет своей мечты. Гарвард. Моя мечта – поступить в Гарвард, а не в Пенсильванский.

Мама всегда говорила мне: ребенку из рабочего района в Мэриленде никто ничего просто так не даст. Нужно самой пробивать себе дорогу наверх и доказывать, что ты заслуживаешь свой шанс. Она первой в семье получила высшее образование и в итоге стала преподавать в очень хорошей школе. Мама уже сделала первый шаг наверх, чтобы дать мне возможность подняться выше. *«Мечтай по-крупному, Оливия, – всегда говорила она. – Но одной ногой стой на земле: мечты бесполезны без четкого плана действий».*

И вот я в Клафлине. Если я хочу доказать, что достойна места наверху, значит, нужно к этому стремиться. А Гарвард – синоним всего лучшего. К тому же там, без сомнений, одна из самых уважаемых студенческих газет. Сначала «Клафлинский вестник», потом Harvard Crimson и, наконец, New York Times. Вот чего я хочу. Пенсильванский университет – неплохой вариант, но вы слышали хоть что-нибудь о студенческой газете Пенна? Вот и я нет. Harvard Crimson – или ничего. Для меня это лучший шанс попасть в профессию мечты.

Но вскоре после того, как перевелась в Клафлин и познакомилась с подругами, я узнала о правиле Эйвери и негласных университетских квотах. Один университет – одна абитуриентка. Потому что подруги не борются друг с другом за места. Черт, Эйвери относилась к этому настолько серьезно, что ни у кого из нас даже не совпадали сильные стороны в учебе, увлечения или интересы. Только мы со Сьеррой – исключение: нам обеим «разрешено» заниматься греблей.

К чему все эти хитрые игры? Потому что существует негласное правило: у каждого университета есть своя квота на учеников из одной школы. Официально ее, конечно, никто не признает, и точные цифры неизвестны. Но одно ясно наверняка: Гарвард не примет четверых выпускников из Клафлина. Больше трех он никогда не брал. Йель обычно берет двоих. Принстон – тоже. С остальными примерно та же история. Так что многие выпускники в итоге становятся соперниками. Даже друзья. Я хотела поступить в Гарвард, но Эйвери и слышать об этом не желала. Гарвард – ее университет, к тому же ее мать там училась, так что я молчала о том, что мечтала о нем с восьми лет.

В глубине души я знаю почему. Я трусиха. Я хочу нравиться своим подругам. Потому что лучше уж такие, чем никаких.

В первую неделю в Клафлине я чувствовала себя потерянной. Перевестись сюда в десятом классе почти наверняка означало стать изгоем, а я к тому же еще и стипендиатка. Я сидела за последней партой на углубленном курсе европейской истории, опустив голову, изо всех сил желая стать невидимкой, а лучше вообще исчезнуть, и надеялась, что учитель не заставит меня вставать и представляться. Но прежде чем этот кошмар успел начаться, девушка, сидевшая наискосок впереди меня, фыркнула:

– Это правда, что тебе приходится работать в школьной администрации из-за стипендии? Как жалко.

– Эй, Нора, хватит быть такой гадюкой.

Передо мной возникло видение: настоящий рыцарь в сияющих доспехах. Блестящие рыжие волосы, идеальная кожа и дизайнерская одежда. Девушка села рядом со мной и протянула руку.

---

[5] Программа обычного приема (*от англ.* Regular Decision) – обычная подача в основной срок. Ответ приходит позже, уже вместе с основным потоком.

– Я Эмма. Классный топ. Он от Brandy Melville? О, и мартинсы? Круто.

Да, она угадала. Я все лето продавала попкорн в местном кинотеатре, чтобы собрать себе гардероб для Клафлина. Эти ботинки были самой дорогой вещью, которую я когда-либо покупала, и только собственные деньги позволили мне приобрести то, что нужно, чтобы здесь сойти за свою. Мама считала, что подойдут подделки брендов и вещи с распродаж, но я знала: это место кишит акулами. Один неверный шаг – и ты наживка. Я кивнула, так и не сумев выдавить слова благодарности.

– Слышала, ты перевелась к нам из государственной школы? Класс. За обедом расскажешь нам все.

Вот так я и попала в Клуб Плюща. Проще некуда. Поэтому я терплю все правила и социальную иерархию, где мое место в самом низу. Мне льстит их внимание, и я не хочу, чтобы меня вышвырнули. К тому же дружба с ними дает свои преимущества: при их помощи проще пробиться в верхние строчки школьного рейтинга. Моя жизнь в Клафлине неизбежно стала проще и лучше благодаря компании, в которой я оказалась. Клуб Плюща открыл дверь, а я вошла.

Так я стала «Пенном».

Но тайные правила квот не ограничиваются тем, что ученики уступают друг другу место, хотя за пределами Клуба Плюща так почти никто не делает. Сама школа тоже решает, кто и куда может подавать документы. Или, по крайней мере, кому выпадет реальный шанс поступить в элитный университет.

И тут на сцену выходят консультанты по поступлению.

В Клафлине их семеро – смехотворно много для школы такого размера, – и в одиннадцатом классе нас «случайным образом» распределяют по консультантам. Все знают: если ты не попал к Карен Бэнкхед, которую прозвали «заклинательницей Лиги Плюща», твои шансы автоматически уменьшаются вдвое. Мисс Бэнкхед работает в этой сфере почти тридцать лет и знает подход ко всем ведущим элитным университетам: рекомендательное письмо от нее почти равносильно зачислению. Она контролирует большинство мест в Лиге Плюща, да и в других учебных заведениях из топ-двадцати по версии U.S. News & World Report. Конечно же, чистая случайность, что самые богатые и влиятельные ученики Клафлина попадают именно к Бэнкхед. Эйвери, Марго и Сьерра оказались под ее крылом.

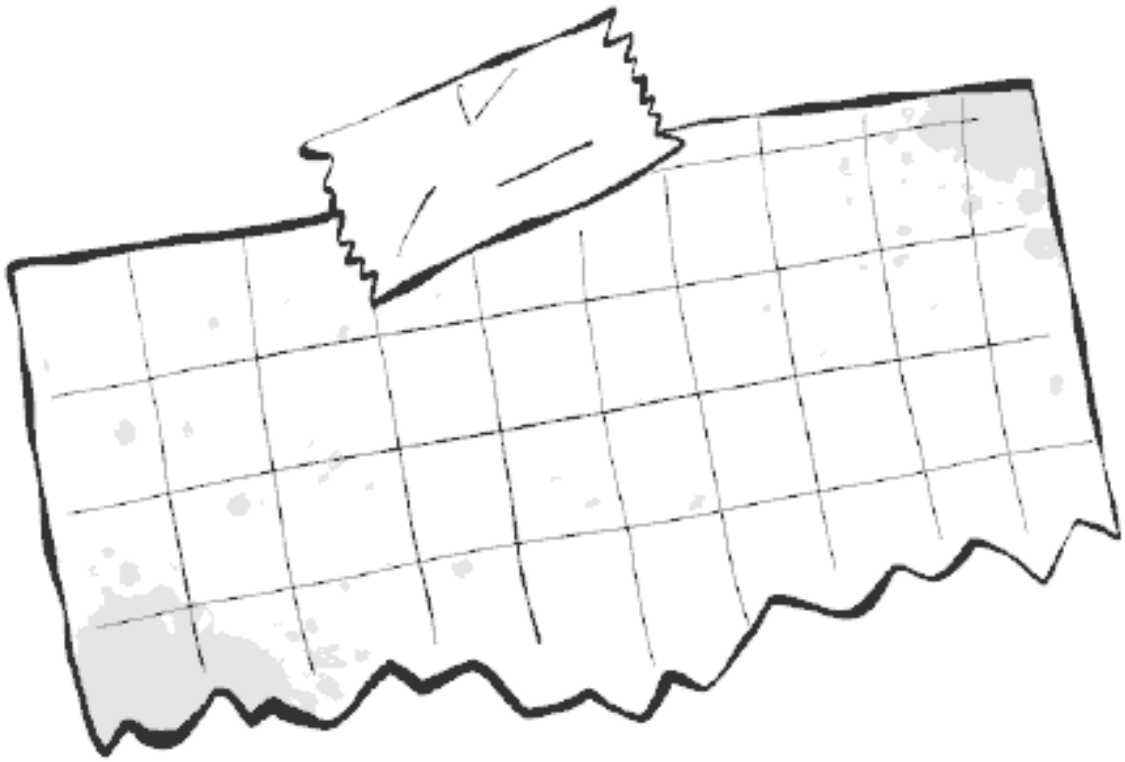
Нам с Эммой достался новенький – Типтон. Ему двадцать четыре, и он постоянно пытается быть «своим» парнем, а ко всему прочему уж слишком доверчивый для Клафлина. В академию он устроился только в этом году, после работы в какой-то частной школе в Джорджии. Правил элитных школ он не знал. И не понимал, что часть его работы – решать, кто куда может подавать документы.

Именно поэтому я смогла подать документы в Гарвард по ранней программе, где можно выбрать только один университет[6].

Я проверяю телефон. Двенадцать пятьдесят пять. Примерно через четыре часа я узнаю, собирается ли Эйвери Монфорт меня убить.

[6] Ранняя программа, где можно выбрать только один университет *(от англ.* single-choice early action) – формат ранней подачи документов, при котором абитуриент получает решение раньше основного потока и обычно не обязан поступать в этот университет в случае зачисления, но может подать такую раннюю заявку только в один вуз.

Глава 2



Я кутаюсь в объемный пуховик и иду через школьный двор на следующий урок. Резкий ветер бьет прямо в лицо. Кампус Клафлина живописный до невозможности: краснокирпичные здания в георгианском стиле тянутся вдоль зеленых дорожек, утопающих в листве, хотя в промозглом декабре деревья стоят уже бурые и голые. Я смотрю себе под ноги, шаркая по гравийной дорожке, окаймленной короткой, похожей на солому травой, и едва не врезаюсь в экскурсионную группу прямо посреди двора. Ребекка Ито, отличница и одна из главных конкуренток за поступление в Лигу Плюща – четвертая в рейтинге после Эйвери, Сьерры и Эммы, – ведет экскурсию для толпы воодушевленных богачей и их дрожащих от холода детей, без запинки рассказывая о достоинствах Клафлина.

– В Клафлине небольшое число учеников, поэтому каждый получает максимум внимания, поддержки и возможностей для развития. С девятого по двенадцатый класс у нас учатся всего четыреста сорок человек, а среднее соотношение учеников и преподавателей – одиннадцать к одному. Каждый класс оснащен самым современным оборудованием, а обучение строится на живом обсуждении. Ученики Клафлина добиваются успеха как в учебе, так и за ее пределами. И, что особенно впечатляет, в среднем двадцать семь процентов выпускников поступают в университеты Лиги Плюща.

Я резко останавливаюсь, нахмурившись, и обхожу группу, а трава хрустит под моими ботинками. Пара – она с сумкой «Биркин», он с часами «Ролекс» – приподнимает брови, услышав статистику по Лиге Плюща. Женщина с интересом листает буклет для поступающих в Клафлин. Странно видеть, как с обложки на меня смотрят подруги с идеальными модельными улыбками. А вот статистика, которую Ребекка родителям не озвучивает: ученики из расовых и этнических меньшинств составляют всего семнадцать процентов учащихся, зато на сайте и в буклетах Клафлина они появляются так часто, будто их в школе куда больше, чем на самом деле. Поэтому Сьерра, чернокожая девушка, и Марго, американка корейского происхождения, красуются на обложке.

Вот и вся академия Клафлин: частная, элитная, и из каждого кирпичного здания сочится отборная чушь. Впрочем, я только выигрываю от того, что Клафлину так хочется выглядеть щедрым. Я учусь здесь почти на полной стипендии – благодаря успехам в гребле и моей «душещипательной истории» девочки из скромной семьи. Моя мама – учительница начальной школы, а это, как выяснилось, трагедия. К тому же мать-одиночка. Для Клафлина я просто ходячая драма. В общем, на бумаге я отлично смотрюсь для школы. А на национальных соревнованиях – еще лучше.

Я еще раз проверяю телефон, прежде чем зайти в класс журналистики: вдруг приемная комиссия Гарварда решила под конец обеда разослать результаты? Но нет.

На всякий случай я открываю камеру и переключаюсь на режим селфи. Упрямая прядь на затылке безнадежна, но в целом мои темно-русые волнистые локоны лежат идеально. Обычно я ограничиваюсь тушью и румянами, но вот блески для губ – моя слабость, и коллекция у меня уже неприличная. Сегодня на мне блеск Anastasia Beverly Hills, который я вообще-то не могла себе позволить, но когда Эйвери ахнула и сказала, что этот персиковый шиммер мне идеально идет, я просто обязана была его купить. Нет давления сильнее, чем шопинг с подругами в Sephora. Через пару недель, когда мама увидит списание по кредитке, мне наверняка влетит. И ей будет все равно, что я выбрала меньшее из зол: относительно недорогой блеск для губ вместо хайлайтера Весса и тонального крема Fenty, которые девочки уговаривали меня купить.

Я захожу последней, примерно через минуту после звонка. Преподавательница журналистики, мисс Васкес, отрывается от экрана компьютера и выразительно приподнимает бровь, но на этом все. Она знает, что сегодня день РРП. Мы все не в себе.

Я прохожу мимо П-образного стола в центре класса, где шестеро учеников из редакции школьной газеты стучат по клавишам ноутбуков, и направляюсь в дальний угол – туда, где стоят Звери. Прекрасные, массивные системные блоки, у каждого – отдельный стол и по два тридцатидвухдюймовых монитора. Я прохожу за спиной Итана: он что-то быстро печатает, на левом экране открыта админка сайта «Клафлинского вестника», на правом – редакционная почта.

– Привет, Итан, – говорю я, отодвигая стул, и нетерпеливо дергаю мышкой, чтобы разбудить компьютер. На правом экране появляется макет декабрьского спецвыпуска, сверстанный в InDesign. Мы с Итаном – соредакторы: он отвечает за онлайн-версию, я – за печатную. Вообще-то всем должна была заниматься я: раньше в «Клафлинском вестнике» обязанности главного редактора никогда не делили. Но во время карантина из-за коронавируса, когда весь Клафлин отправили домой и семестр мы заканчивали в онлайн-формате, Итан взялся за цифровую версию: доработал ее, придумал новые решения и впечатлил мисс Васкес. Обычно уходящий главный редактор сам выбирает себе замену, но в этот раз Васкес решила, что будет справедливо вознаградить Итана за то, как он прокачал онлайн-версию.

С одной стороны, печатная версия мне нравится больше. С другой – меня бесит, что в анкете для поступления я не могу указать себя единственным главным редактором.

И все же работа мне нравится. Я знаю, что печатная версия давно устарела и вряд ли станет серьезным плюсом для будущей журналистской карьеры, но я люблю собирать макеты на экране: перетаскивать заголовки, подзаголовки, выносные цитаты и фотографии, чтобы страница читалась идеально. По сравнению с этим работа с сайтом кажется совершенно бездушной. И готовый выпуск нельзя подержать в руках. Каждый номер, над которым я работала, хранится в коробке под моей кроватью, и вырезки из печатных материалов для портфолио выглядят куда профессиональнее: настоящая газетная полоса, строка с именем автора прямо рядом с заголовком и подзаголовком. Итан любит подшучивать надо мной, называя меня бабулей-журналисткой.

Итан разворачивается ко мне на стуле.

– Выглядишь так, будто тебя сейчас стошнит. Результаты еще не пришли?

– Если бы все университеты Лиги Плюща уже разослали ответы, в коридорах сейчас стоял бы визг, – отвечаю я, проверяя редакторскую почту.

Я украдкой бросаю на него взгляд – проверить, смотрит ли он на меня, но, разумеется, он не смотрит. Это безответная влюбленность, напоминаю я себе. Итан неизменно вежлив, как и подобает его канадскому происхождению, и даже после того, как наша борьба за место главного редактора зашла слишком далеко и в итоге привела к разделению обязанностей, он все равно относится ко мне как к равной. Но я-то знаю: для него я всего лишь одержимая соперничеством стерва из школы-пансиона. Он перевелся в Клафлин в одиннадцатом классе, когда меня уже знали как участницу Клуба Плюща. Мы иногда болтаем, но он ни разу не попытался расспросить меня о прошлом, о том, что я на самом деле думаю об этом месте, о моих подругах. Да и с чего бы? На занятиях я держусь приветливо, но за пределами класса делаю вид, что его не существует.

Но я ничего не могу с собой поделать: мне хочется, чтобы Итан проявил любопытство и узнал, какая я на самом деле. Он один из немногих, кто не втянут в клафлинскую борьбу за места в элитных университетах. Итан уже миллион раз говорил мне, что канадским университетам нужны только оценки и результаты тестов. Он свободен от всей той чуши, которой заражено почти все это место. От этого с ним как-то проще.

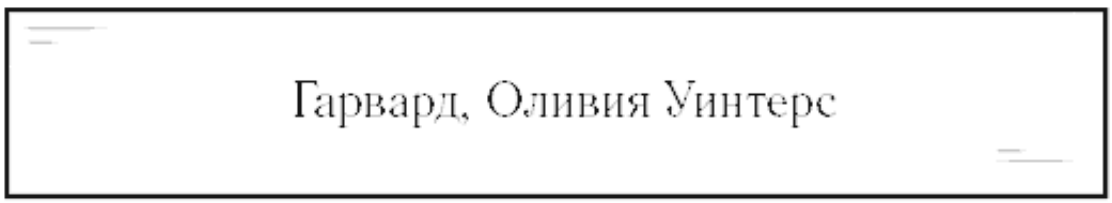
– Над чем работаешь? – на этот раз я первой начинаю разговор.

– Жду примерно того же, что и ты, – отвечает он. – Рецензию Беллы на новую постановку театрального кружка, подборку праздничных фильмов от Брента и список тех, кто поступил по ранней подаче.

Я вывожу на экран разворот, который заранее оставила под список учеников, поступивших по результатам ранней подачи документов. На левой странице уже стоит заголовок:

Правая пока пустая: там едва заметным розовым контуром намечен блок в три колонки – ждет, когда я вставлю в него финальный список. Обычно «Клафлинский вестник» выходит пятнадцатого числа каждого месяца, но декабрьский выпуск мы всегда задерживаем до начала зимних каникул, чтобы успеть напечатать список университетов, куда выпускников приняли по ранним заявкам.

Я перетаскиваю макет на левый экран: он стоит под таким углом, что Итану не видно всего разворота. И осторожно печатаю.



Глаза цепляются за каждую букву. Я шепчу эти слова и будто чувствую их на языке. Боже, как же мне это нужно, но как же страшно. Если я поступлю, а Эйвери узнает, что я подала документы у нее за спиной, она меня буквально убьет.

– Подожди, разве ты не в Пенн подавалась?

Я вздрагиваю так, что едва не подпрыгиваю на месте. Оборачиваюсь и вижу, что Итан наклонился вперед, пытаясь заглянуть в экран. Я лихорадочно тычу на клавишу «удалить».

– Я просто… – начинаю я уклончиво, но тут Ниша Хан срывается на крик:

– МЕНЯ ВЗЯЛИ В ЧЕРТОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ!

– Ниша, следи за языком! – резко одергивает ее мисс Васкес. А потом расплывается в широкой улыбке. – Но поздравляю! Отличная новость.

Мы все тут же начинаем поздравлять Нишу. В Северо-Западном университете один из лучших факультетов журналистики в стране. У меня сжимается желудок, и я чувствую, как обед подступает к горлу. Начинается.

Это была ошибка. Нужно было подать документы в Пенн по программе раннего приема, как и полагалось. Университет потрясающий, к тому же при нем есть независимый «Дом писателей» – как раз то, что нужно будущей журналистке. Я как примерная девочка переписывалась с их представителем приемной комиссии и, скорее всего, поступила бы.

Но программа раннего приема в Пенне обязывает поступить туда, если тебя принимают, а Эйвери и остальные из Клуба Плюща не понимают, какой это для меня стресс: заранее связывать себя с университетом, не зная, смогу ли я вообще оплатить там учебу. В Гарвард же я подала документы по ранней программе, где можно было выбрать только один университет, и это позволяло мне не принимать решение сразу. Если меня примут, я все еще смогу подать заявки в другие университеты по программе обычного приема, а в апреле выбрать тот, где предложат лучшую финансовую помощь.

Каждый раз, когда речь заходит о деньгах, я едва выношу эти снисходительные косые взгляды и бессмысленные уверения подруг, что со мной все будет хорошо, потому что университеты просто обожают разбрасываться деньгами ради таких, как я. Глупый миф, будто элитные учебные заведения битком набиты талантливыми, но бедными студентами, учащимися на полной стипендии. Нет, большинство ребят, которые туда поступают, чертовски богаты. А студентам вроде меня, которым нужна финансовая помощь, по сути, приходится пройти через настоящую бойню под названием «поступление», чтобы получить шанс на одно из немногих желанных мест с полным покрытием расходов. Черт, я была бы рада, если бы стипендия покрыла хотя бы само обучение, на проживание и питание можно взять кредит. Зачем еще я все эти годы играла по правилам Клуба Плюща? Чтобы выжить.

Сьерра и Эмма, может, и поняли бы. Они богатые, но не из тех, кто может заявить: *«У моих родителей есть собственный самолет»,* – в отличие от Марго и Эйвери, которые вполне могут этим похвастаться. Марго было бы все равно, но она рассказала бы Эйвери, а та бы взорвалась. Поэтому я никому из Клуба Плюща не сказала, что подала документы.

– Оливия, ты в порядке?

Я чувствую теплую широкую ладонь Итана на своем плече и смотрю в его встревоженные карие глаза за массивной пластиковой оправой. Из-за этих очков он похож на Гарри Поттера, и это кажется мне ужасно привлекательным.

Он возвращает меня в реальность, и я натягиваю широкую, пусть и фальшивую, улыбку.

– Конечно. Ниша сегодня напьется в хлам на вечеринке в честь дня РРП. Ты придешь?

– Ну да. Она же в моем общежитии, помнишь?

Я стараюсь не замечать, как горят щеки.

– Точно! А когда приходят ответы из канадских университетов? Ты, наверное, думаешь, что мы все тут с ума сошли.

– Совсем немного. – Его смех мог бы растопить снег и заставить распуститься цветы. – А ответы придут где-то в начале весны. Я из-за этого не переживаю.

– Везет, – говорю я, пока мы возвращаемся к работе. Или, точнее, делаем вид. Сегодня никто не может сосредоточиться.

Ниша выходит в коридор позвонить родителям, и следующие десять минут до нас доносятся ее радостные крики вперемешку со слезами. Вернувшись к открытому ноутбуку, она закрывает документ в «Ворде» и заходит на форум для абитуриентов, где и зависает до конца урока. Поскольку мне нравится мучить саму себя, я делаю то же самое: открываю в браузере две вкладки: одну с обсуждением ранней подачи в Гарвард на форуме, другую с личным кабинетом абитуриента на сайте университета. Следующие полчаса я обновляю обе страницы примерно каждые три минуты. Как нормальный человек.

Во время шестого урока начинают приходить ответы от небольших гуманитарных вузов. У меня в это время углубленный курс математики: я хожу на него, хотя терпеть не могу этот предмет и дается он мне тяжелее всего. Но нельзя же допустить, чтобы кто-то подумал, будто я избегаю самых трудных курсов из доступных. Слава богу, Сьерра ходит на этот курс вместе со мной: она помогает мне с заданиями, и мне не приходится позориться и нанимать репетитора. Да и денег на него у меня все равно нет.

Я как раз пытаюсь решить несколько задач, когда приходят ответы из Колби, Гамильтона и Уильямса. У нас в классе тут же появляется ликующая Фиолетовая корова – увы, да, это маскот Уильямса. Потом Марго пишет в общий чат: у нее на углубленной биологии кого-то взяли в Колби. Следом Эйвери – конечно же, с занятия в театральном кружке – сообщает, что кто-то поступил в Гамильтон. Пока что мы слышим только о зачислениях. Видимо, те, кого не приняли, не слишком горят желанием об этом рассказывать.

А за две минуты до звонка с первой парты доносится шипение Джейсона Вана: он снова и снова ругается сквозь зубы. Ну что ж. На подготовительную программу для будущих медиков в Вашингтонском университете в Сент-Луисе поступить очень сложно. Может, ему еще повезло и решение просто отложили. Звенит звонок, и тут же звонит его телефон. Судя по всему, его родители тоже фанатично обновляли форум для абитуриентов. Мне его жаль.

Когда я спешу с математики на последний и любимый урок за день – углубленную британскую литературу, – настроение в коридорах уже меняется. Теперь отказы видно сразу, по лицам. У Иден Хэннон потекла тушь, и помада арбузного цвета стерлась. Я знаю, что она подала документы в Северо-Западный университет по программе раннего приема, так что в таком виде она ходит уже больше часа.

Крис Хардин перехватывает меня прямо у кабинета британской литературы.

– Эй, Оливия, Эмму не видела?

– Э-э, нет, а что?

От Криса тянет сладковатым дымом, так что с его способом пережить день РРП все ясно.

Крис усмехается.

– Да так, просто я ей очень благодарен, вот и все. Ладно, увидимся.

Я не хочу знать, что знаменует этот блеск в его глазах. Они что, мутят? Нет, Эмма не стала бы связываться с таким придурком, как Хардин. Наверное, просто покупает у него что-то запрещенное.

Крис не смотрит, куда идет, и сильно задевает плечом Сета Фельдштейна. Тот только хмурится и идет дальше. Челюсть у него сжата так крепко, что, когда он проходит мимо, я почти слышу, как скрипят его зубы.

Значит, Массачусетский технологический институт отпал.

Черт, когда уже придут ответы из Лиги Плюща? Сегодня мы ждем как минимум Йель и Гарвард. Такое чувство, будто кто-то вставил мне под ребра винты и медленно закручивает их все туже и туже. Я дышу часто и сбивчиво, хотя, может, это просто из-за того, что я неслась по коридорам. Я падаю на свое место в конце класса рядом с Эйвери, ей-то нужно было всего лишь перейти из соседнего кабинета. Она спокойна как удав. Мать Эйвери – наследница огромного фармацевтического состояния и выпускница Гарварда в третьем поколении, к тому же она регулярно делает университету крупные пожертвования. Я почти уверена, что на территории кампуса есть корпус, названный в честь Монфортов.

Томас Харди изо всех сил пытается меня отвлечь, и на целых тридцать пять минут мне удается сосредоточиться – спасибо медленно закипающей злости на всех мужчин на свете. Энджел Клэр – козел. А еще Харди очень любил деревья.

Телефон лежит у меня на бедре. Я уже несколько минут машинально провожу пальцем по кнопке включения и заставляю себя не нажимать ее – не зажигать экран, не поворачивать его к себе. В конце концов я сдаюсь. И вижу в самом верху главного экрана конверт с буквой «М». Мне пришло письмо.

Я резко втягиваю воздух. Украдкой смотрю на Эйвери, она тоже уткнулась в телефон. Черт. Я знаю, в каком порядке они рассылают ответы: сначала зачисления, потом отложенные решения и только в конце отказы. Как давно Эйвери смотрит в телефон? Меня поставили в лист ожидания или отказали?

– Оливия, как думаешь, что Харди пытается сказать, противопоставляя Энджела и Алека?

Мисс Кейлор спрашивает меня, уверена, в отместку за то, что я смотрела в телефон. Да к черту правила в такой день! Все сидят в телефонах. К счастью, чтобы ответить на этот вопрос, мне не обязательно было внимательно слушать.

– Все мужчины рано или поздно тебя подводят: и те, в ком дьявол виден сразу, и те, кто выдает себя за ангела, – говорю я. – Алек – дьявол, насильник, но Энджел едва ли не хуже. Он обещает любить Тэсс, а потом предает ее при первой же возможности из-за всей этой чуши про чистоту. Энджел – трус и лицемер.

– Погоди, насильник? Это уж слишком, нет? – Тайлер разворачивается на стуле. – В тексте все не так однозначно.

– Не увидела там никакой неоднозначности, – фыркаю я. – По-моему, все было очевидно.

– Что такое, Тай? Узнал в Алеке себя? – вмешивается Эйвери. Может, она и гадюка, но мне нравится, когда она выпускает яд, защищая меня.

– Да пошла ты, Эйвз.

– Эй! – резко обрывает их мисс Кейлор. – Так разговаривать нельзя!

Будь на их месте любые другие ученики, уверена, она отправила бы их к директору Фитцджеральд. Но фамилии Монфорт и Сент-Клэр означают большие деньги. Так что вместо этого мисс Кейлор просит Иден объяснить, какую роль в тексте играют природные мотивы. И как только внимание учительницы переключается, я снова возвращаюсь к телефону. Пальцем нахожу кнопку-сканер в нижней части устройства, прижимаю подушечку, смахиваю экран блокировки вверх, а потом тяну вниз панель уведомлений. Письмо из Гарварда. Черт.

И еще сообщение от Сьерры. Перед текстом много смайликов в виде огня.

Я решаю сначала прочитать его. Так я хотя бы ненадолго оттяну неизбежное. Колкость Эйвери в адрес Тайлера звучала как бравада человека, которого только что приняли. Глупо было думать, что я вообще могу с ней соперничать. В моем письме может быть только отложенное решение или прямой отказ. Мне нужна минута, чтобы подготовиться: улыбнуться, крепко обнять Эйвери и поздравить ее с неизбежным триумфом. Она ни за что не должна узнать, что я тоже подала документы. Я открываю общий чат.

МЕНЯ ВЗЯЛИ В ЙЕЛЬ, СУЧКИ!

Затем Сьерра присылает ряд эмодзи с собаками: маскот Йеля – симпатичный бульдог. В груди у меня поднимается волна искренней радости за нее. Сьерра в одиночку организовала поездку Клафлина на Женский марш и участвовала в предвыборной кампании Элизабет Уоррен. К тому же она чертовски умная и пахала как проклятая – с Клубом Плюща или без него.

Эйвери рядом со мной сдавленно вскрикивает, а Тайлер начинает смеяться, беззвучно, но совершенно очевидно над своей сводной сестрой. Щеки Эйвери покрываются красными пятнами, ноздри раздуваются. На секунду мне кажется, что это запоздалая злость на Тайлера за его ответный выпад, но потом я замечаю слезы у нее в глазах.

– Эйвз, что случилось? – спрашиваю я, наклоняясь к проходу и стараясь говорить тихо, чтобы мисс Кейлор не услышала.

– Они меня не приняли, – шипит она. – Ублюдки.

Эйвери. Не приняли. В Гарвард.

У меня в животе все сжимается, а время будто замедляется. Что бы мисс Кейлор сейчас ни говорила, ее голос звучит для меня глухо и неразборчиво. Королева Клафлина – будущая лучшая ученица выпуска, из семьи, где три поколения учились в Гарварде, – не поступила. Мне точно конец.

Я тянусь к ней, чтобы коснуться руки.

– Эйвери, мне так жа…

Она не дает мне договорить и резко отдергивает руку. Меня пробирает холод, словно я прикоснулась к камню.

– Я в порядке.

Она усилием воли сдерживает слезы, расправляет плечи, откидывает назад свои до нелепости идеальные локоны, снова принимая безупречно холодный вид.

Пронзительно звенит звонок – уроки на сегодня закончились. Эйвери вскакивает с места. Я двигаюсь медленно, будто под водой, и повторяю дыхательные упражнения из йоги, куда Марго затащила меня в прошлом году. Страх оседает в животе свинцовой тяжестью, сердце колотится, и мне кажется, меня сейчас стошнит. Весь день я накручивала себя, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что я чувствую сейчас. То было тревожное ожидание, теперь же я уверена: мы с Эйвери получили письма одновременно. Или, может, мое пришло даже чуть раньше? Значит, у меня либо отложенное решение, либо отказ. Письмо уже пришло. И оно в моей почте. Прямо сейчас.

Тревога гонит меня вперед, и я быстро направляюсь к выходу из школы. Не могу стоять на месте. Я вылетаю на свежий декабрьский воздух и наслаждаюсь тем, как сужаются сосуды. Сенсорное отвлечение. На улице холодно, весь кампус – смесь коричневого, красного и серого. В этом году уже однажды слегка припорошило, но сейчас все еще тот период, когда нос щиплет от мороза, а ничего красивого вроде снега выпадать не собирается.

Слезы подступают к глазам. Я еще даже не прочитала отказ, а уже совсем расклеилась. Открывать письмо посреди кампуса, у всех на виду, я не выдержу, да и мне все равно пора в школьную администрацию – на отработку по программе финансовой помощи. Клафлин делает такое «одолжение» всем стипендиатам: работа после уроков, за которую нам платят карман-

ные деньги на всякие дополнительные расходы, например на бонусные баллы для школьного магазина или поездки с классом. Пропустить смену я не могу. Мне нужна каждая копейка.

Телефон все еще лежит у меня в кармане, когда я, запыхавшись, добираюсь до Остин-холла и машу Кэти, помощнице в школьной администрации. Обычно она закрывает глаза на то, что во время смены я занимаюсь учебой. Кэти хорошая, но сейчас она натянуто улыбается той самой паре, на которую я наткнулась раньше во время родительской экскурсии.

– Надеюсь, я ответила на все ваши вопросы! Хорошего вам дня! До свидания!

Биркин и Ролекс поворачиваются к выходу, хотя я вижу: вопросы у них еще остались. Наверняка о том, как их драгоценный ангелочек справится с такими непосильными задачами, как не забывать делать домашку и сдавать вещи в стирку. *«Прачечная для девятиклассников работает по понедельникам»* — эту фразу я уже выучила, и она слетает с языка сама собой. *«Уверена, с учебой они тоже прекрасно справятся»,* – продолжаю я, но уже не так легко, потому что на самом деле мне хочется сказать: *«Разберутся, черт возьми, им пятнадцать, а не пять!»* Я опускаю голову, когда они проходят мимо, чтобы меня не втянули в очередной раунд вопросов и ответов. При виде меня плечи Кэти опускаются на добрых пять сантиметров. И она произносит:

– Слава богу, ты здесь. Звонки уже начались, а директор Фитцджеральд, как обычно, заперлась у себя в кабинете и велела ее не беспокоить.

Я стягиваю с себя зимние вещи и бросаю рюкзак рядом со свободным столом, за которым обычно сижу. За два года дней РРП в Клафлине я уже знаю, как все устроено. После ранних ответов сразу начинают названивать разъяренные родители, помешанные на контроле.

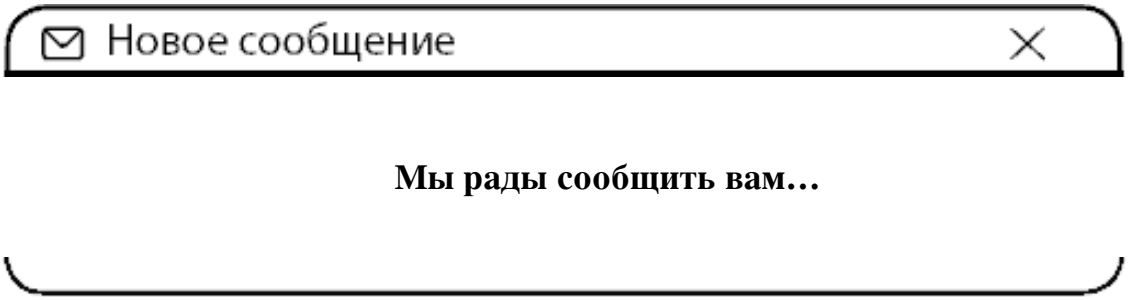
Даже когда речь не идет об отказах из университетов, родители все равно регулярно звонят, если им что-то не нравится, и кричат в трубку: *«Я ПЛАЧУ ЗА ЭТУ ШКОЛУ ШЕСТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ В ГОД!»* Эти слова я слышала уже не раз. Меня часто подмывает от души поблагодарить взбешенных родителей за оплату: их щедрость отчасти покрывает и мое обучение.

Но я бы ни за что не осмелилась съязвить вслух. Только не сегодня. Телефонный звонок режет по и без того натянутым нервам, и я включаюсь в работу. *«Да, мы понимаем, что вы расстроены. Нет, сейчас вы не можете поговорить с директором».* Необходимо быть предельно вежливой, но не уступать. Пообещать записать все данные и передать директору Фитцджеральд, чтобы она занялась их вопросом в первую очередь, как только сможет. С каждым звонком, пытаясь мягко завершить разговор и получить хоть короткую передышку, я смотрю на телефон, лежащий экраном вниз на столе передо мной. Мне пришлось перевернуть его, чтобы перестать гладить кнопку включения и снова и снова смахивать уведомление с темой письма. Я уже не раз пропустила мимо ушей, что именно кричит миссис Фельдштейн, и просила повторить, отчего она только сильнее выходила из себя.

Звонки сыплются один за другим почти целый час, пока наконец не наступает затишье. Видимо, эти мамочки, как и обещали, теперь звонят своим адвокатам, чтобы подать на Клафлин в суд. Пользуясь паузой, я наконец хватаю телефон. Краем глаза вижу Кэти: она все еще кого-то утешает в своей мягкой, почти бабушкиной манере. Успокаивать людей она умеет мастерски. Дождавшись, когда Кэти перестает за мной следить, я проскальзываю в учительскую и закрываю за собой дверь.

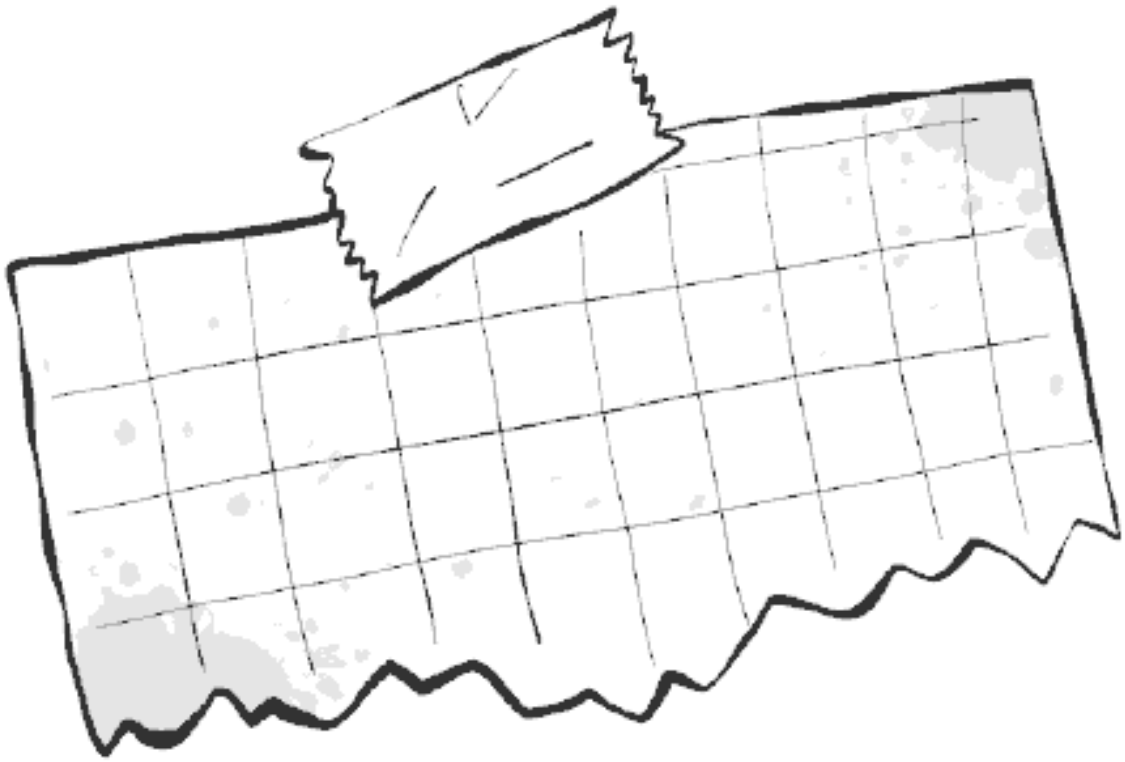
Открываю электронную почту. Письмо из Гарварда выделено жирным и сразу бросается в глаза. Я стараюсь не смотреть на текст предпросмотра: часть меня все еще цепляется за возможность потянуть время. Все равно я уже так долго продержалась, правда? Но взгляд предательски скользит по экрану.

Я не понимаю слов, которые вижу. В них нет никакого смысла. Я читаю снова.



О черт. Меня приняли.

Глава 3



Первой мыслью было: это какая-то ошибка. Письмо должны были отправить Эйвери, а не мне. Такие, как Эйвери, поступают. А такие, как я…

Такие, как я, тайком подают документы за спиной подруги, а потом занимают ее место.

И тут радость, покалывающая изнутри, мгновенно сменяется горечью, и я резко возвращаюсь с небес на землю. Что я натворила? Как такое вообще возможно?

Я напоминаю себе: *«У тебя пятый по величине средний балл в выпуске, две премии Gold Circle от Ассоциации школьной прессы Колумбийского университета. Ты пишешь для школьного раздела Los Angeles Times и летом прошла журналистскую программу при Северо-Западном университете».* Я достойна. Более чем достойна.

Но до этого момента я сама в это не верила.

Звонит телефон, и я спешу обратно к своему столу. Голос на другом конце линии заставляет кровь стынуть в жилах.

– Соедините меня с директором Фитцджеральд. Немедленно.

Кэтрин Монфорт. Мать Эйвери. Я представляю ее на другом конце линии: неприступная блондинка с таким взглядом, от которого могло бы скиснуть молоко.

Новость о Гарварде застревает у меня в горле. Неужели она чувствует это даже через телефон? Неужели она сейчас может протянуть руку сквозь трубку и задушить меня?

– Алло?

– Да, здравствуйте, п-простите, я… я не могу, – запинаюсь я. – Директора сейчас нет на месте.

– Ах ты лживая соплячка. Я знаю, что она там. Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь? Я плачу шестьдесят пять тысяч.

В остальном все идет как и ожидалось: в Клафлине их обманули, школа ни на что не годится, она пожалуется куда следует и так далее. Я отбиваюсь как могу, удивляясь, что она так и не узнала мой голос.

Я обрываю ее на полуслове, когда она заводит речь о том, что места в университетах якобы отдают представителям расовых и этнических меньшинств.

– Миссис Монфорт, директор перезвонит вам при первой возможности. Хорошего дня.

– Надеюсь, ты уже спланировала свои похороны. – Передо мной на стол опускается стаканчик Starbucks. Я поднимаю глаза и вижу своего ангела кофеина. Сьерру. – Оборвать разговор с матерью Эйвери – смелый ход. Она и за меньшее подавала в суд.

Сьерра усаживается на край стола и отпивает из своего стаканчика.

– Она сказала, что место Эйвери в Гарварде, наверное, досталось какой-нибудь недостаточно квалифицированной абитуриентке из меньшинств.

– Ну все, на костер ее.

Мы смеемся – насколько вообще можно смеяться над откровенным расизмом – и чокаемся стаканчиками с кофе. А потом лицо Сьерры мрачнеет.

– Здесь полно таких Кэтрин Монфорт, и я имею в виду не только взрослых. Все в этой школе думают, что мне все дается легко, потому что я чернокожая. Как будто расовую принадлежность при поступлении учитывают не потому, что веками расизм и неравенство закрывали людям доступ к образованию и возможностям. Но невежество, конечно, удобнее.

– Сьерра, ну что ты, мы вовсе не…

Она обрывает меня:

– Это выматывает. *«Мой драгоценный гениальный ребенок не поступил, – значит, это все из-за учета расовой принадлежности»,* – ноют они. Будто я не иду на второе место по успеваемости в выпуске с идеальным результатом SAT и кучей других достижений. Может, их дети просто посредственные. Или им не повезло. Придурки.

Сьерра явно не ждет от меня новых комментариев, поэтому я следую ее примеру и молчу. Какое-то время мы обе спасаемся кофеином.

– А ты что здесь делаешь? – спрашиваю я, когда наконец немного прихожу в себя. – Не то чтобы я не рада компании или кофе, просто обычно это Эм приходит дежурить со мной в администрации.

– Знаю. – Сьерра нервно дергает ногой. – Эйвери… сходит с ума из-за Гарварда. А теперь еще и расписание на весенний семестр ей не подходит, так что я пришла это исправить. Для заявок по программе обычного приема ей нужно показать более серьезную учебную нагрузку. Можно я это проверну?

Сначала я проверяю, отвернулась ли Кэти, чтобы она ничего не увидела, а потом отодвигаюсь от стола и уступаю место Сьерре. Она сразу принимается за дело: быстро стучит по клавишам, ловко подбираясь к нужным настройкам в школьной административной системе. Сьерра взломала защиту еще несколько лет назад и установила бэкдор[7] на моем компьютере – так проще всего не попасться, – поэтому ей хватает двух минут, чтобы перевести Эйвери с «Фотографии II» на «Историю капитализма», факультатив по экономике. Чтобы все получилось, ей приходится убрать Джейсона Вана с этого курса и записать его на другой, но это уже проблема на потом.

[7] Бэкдор *(от англ.* backdoor) – скрытый «черный ход» в программе или системе, позволяющий получить доступ в обход обычной авторизации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.